

Марков А. В. Вопрос о подлинности церковных грамот, входящих в состав Новгородских летописей: [I. Грамоты Всеволода Мстиславовича и Всеволода Владимировича] // Богословский вестник 1911. Т. 2. № 6. С. 361–367 (2-я пагин.). (Начало.)

Вопросъ о подлинности церковныхъ грамотъ, входящихъ въ составъ новгородскихъ лѣтописей.

Въ своемъ монументальномъ, во многихъ отношеніяхъ замѣчательномъ, трудѣ „Исторія русской церкви“ акад. Голубинскій далъ весьма рѣзкій отзывъ о нравственности духовныхъ лицъ Великаго Новгорода въ домонгольскій періодъ русской исторіи. Отзывъ этотъ былъ высказанъ въ подстрочномъ примѣчаніи и потому, вѣроятно, не обратилъ на себя вниманія со стороны людей науки. Считаая мнѣніе почтеннаго историка въ данномъ случаѣ глубоко-несправедливымъ, я рѣшаюсь въ этой статьѣ стать на защиту древнерусскаго духовенства, а вмѣстѣ съ тѣмъ вновь поднять вопросъ о подлинности нѣсколькихъ древнихъ церковныхъ грамотъ, которыя акад. Голубинскій считаетъ фальсификаціями новгородскаго духовенства.

Считаю, прежде всего, необходимымъ напомнить читателямъ слова историка русской церкви, въ которыхъ содержится обвиненіе новгородцевъ въ подлогахъ.

„Въ вольномъ городѣ, говоритъ авторъ, скорѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, могли дойти до той безцеремонности, чтобы рѣшиться дѣлать подлоги. Власти духовной здѣсь приходилось бороться съ властью мірекою болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, а слѣдовательно здѣсь были и особыя побужденія, которыя бы заставили людей прибѣгнуть къ подлогу: въ то же время здѣсь власть духовная отличалась и большимъ, чѣмъ гдѣ-нибудь, стремленіемъ къ многовластію“¹⁾.

¹⁾ Исторія русской церкви, т. I, первая половина тома, изд. второе. М. 1901. Стр. 627, прим. 8. (Изд. первое. М. 1886, стр. 535, прим. 5).

Вся эта тирада основана на однихъ предположеніяхъ. Почтенный историкъ не указываетъ въ своемъ трудѣ ни на одинъ фактъ, который могъ бы подтвердить его мысль объ особенной борьбѣ двухъ властей въ Новгородѣ: да такихъ фактовъ и нѣтъ. Что новгородскіе монастыри и церкви были весьма богаты—правда; но что духовная власть здѣсь старалась вмѣшиваться въ мірскія дѣла больше, чѣмъ въ другихъ областяхъ Руси, это—опять одно предположеніе. Да, наконецъ, между „побужденіями къ подлогу“ и настоящимъ подлогомъ лежитъ неизмѣримое пространство. Чтобы совершить подлогъ, личность должна быть сильно деморализована. Только въ эпоху всеобщей деморализаціи можно предполагать у духовенства сознательную литературную недобросовѣстность. Примѣръ литературной недобросовѣстности я могу указать изъ эпохи борьбы кн. Дмитрія Шемяки съ Василиемъ Темнымъ (1433—1453 г.). Въ эту эпоху деморализація нравовъ выразилась, какъ въ жестокости борющихся князей, изъ которыхъ одинъ былъ ослабленъ, а другой отравленъ, такъ и въ неоднократно выразившемся вѣроломствѣ людей (къ нимъ принадлежатъ и отецъ Шемяки), вѣловавшихъ крестъ то одному, то другому, то третьему князю. Въ это ужасное время въ Москвѣ было переведено на русскій языкъ неизвѣстнымъ духовнымъ лицомъ ложное произведеніе, названное такъ: „Посланіе Господа нашего Иисуса Христа, съ небесе спадшее въ святыи градъ Іерусалимъ“. Посланіе было составлено, судя по записи, въ Іерусалимѣ въ 1448 г., а переведено въ Москвѣ въ 1452 г. 1).

1) Вотъ свѣдѣніе о посланіи въ рукописи 1490 г., С.-Петербургской Духовной Академіи, № 11/1088, листъ 260 об.: „Написа же ея сіе посланіе въ лѣто 6956, индикта 12 въ градѣ Іерусалимѣ; преписа же ся сей списокъ въ богоспасаемѣмъ градѣ славномъ Москвѣ, при державѣ великаго самодержьца князя Василія Васильевича, и его сына, великаго князя Ивана Васильевича, а по благословенію господина нашего, преосвященнаго митрополита Іоны Кіевскаго и всея Руси въ лѣто 6960, индикта 15, мѣсяца марта въ 2 день“. Изъ этой рукописи апокрифъ не изданъ. Начало и записъ приведены въ трудѣ Н. В. Рузскаго: „Свѣдѣнія о рукописяхъ, содерж. въ себѣ Хожденіе Данила“. М. 1891, стр. 24 (отт. изъ „Чтеній въ Общ. Ист. и Др.“). Очевидно, это—то же произведеніе, которое извѣстно въ рукописи 1623 г. подъ назв. „Свитокъ Іерусалимскій“ (см. тоже, с. 94) и издано въ „Калѣкахъ переходжихъ“ Безсонова по многимъ рукописямъ.

Нѣтъ никакого основанія предполагать, что переводчикъ наивно вѣрилъ чудесному снаденію съ неба посланія, и фактъ перевода указываетъ на недобросовѣстное желаніе распространять среди московскаго населенія завѣдомо ложное сочиненіе.

Ничего подобнаго нельзя указать среди новгородскихъ произведеній. Если здѣсь встрѣчаются мало-вѣроятныя легенды, то онѣ возникаютъ естественно, какъ и въ другихъ областяхъ Руси, въ вѣдствіе господства наивной вѣры. Среди новгородскихъ лѣтописей нѣтъ ни одной, подобной лѣтописи Никоновской. Существуетъ, дѣйствительно, безграмотная, со многими ошибками, лѣтопись, составленная въ Новгородѣ, во второй половинѣ XVI в., волостнымъ дьякомъ Федшей, который между прочимъ сообщаетъ о себѣ, что онъ 23 декабря 1555 г. „почель жечи масла горшекъ“¹⁾; но въ этой лѣтописи читатель не найдетъ ничего, кромѣ трогательной правдивой наивности.

Грамоты Всеволода Мстиславича и Всеволода Владимировича.

Итакъ, общаго характера ссылка акад. Голубинскаго на безцеремонность новгородскихъ писателей вовсе не оправдывается фактами. Обратимся къ дальнѣйшимъ, болѣе частнымъ, указаніямъ почтеннаго изслѣдователя.

„А наконецъ, продолжаетъ онъ, мы имѣемъ и положительныя свидѣтельства, что здѣсь (т. е. въ Новгородѣ) занимались фальсификаціями. Не говоримъ о грамотѣ князя Всеволода Новгородскому Софійскому собору, которая есть простая (и аляповатая) переправка устава Владимірова на имя Всеволода“²⁾...

Но по поводу этихъ словъ прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что Уставъ кн. Всеволода не *простая* переправка Устава Владиміра, но съ добавленіями, указанными и въ заглавіи грамоты: „Уставъ великаго князя Всеволода о церковныхъ судѣхъ, и о людехъ, и о мѣрилахъ торговыхъ“. Добавленія эти весьма существенны и касаются торговыхъ мѣръ, княжескихъ жалованій въ пользу духовенства и наслѣдства за-

¹⁾ Новгородскія лѣтописи. Слб. 1879. Стр. 84, 87.

²⁾ Исторія русской церкви, I, I, стр. 627, прим. 8.

онныхъ и незаконныхъ дѣтей ¹⁾. Всего этого въ Уставѣ Владимира нѣтъ, и какъ бы ни передѣлать этотъ послѣдній, скростъ изъ него уставъ кн. Всеволода невозможно. Что касается „аляповатости“ языка грамоты, то—о вкусахъ не спорять!

Но, если бы одна грамота дѣйствительно была лишь переправкой другой, слѣдовало ли бы изъ этого, что одна изъ нихъ есть поддѣлка?—Ничуть! Мы знаемъ 12 договорныхъ грамотъ Новгорода съ различными великими князьями; самая ранняя изъ дошедшихъ до насъ заключена въ 1265 г., самая поздняя—въ 1471 г., и всѣ онѣ съ самыми малыми измѣненіями повторяютъ одна другую, мѣняя, конечно, личныя имена ²⁾.

Признавъ грамоту Всеволода переправкой Устава Владимира, акад. Голубинскій продолжаетъ: „Но грамота того же Всеволода церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ, которая всѣми принимается за подлинную, на самомъ дѣлѣ есть подложная. Въ началѣ грамоты князь пишетъ: „се азъ князь великій ³⁾ Гавриль, нареченный Всеволодъ, *самодръжець* Мстиславичъ, внукъ Володимиръ, *владычествующю ми всею Рускою землею* и всею областью Новгородскою“..., и потомъ говоритъ о своихъ будущихъ преемникахъ—Новгородскихъ князьяхъ какъ о *великихъ князьяхъ*; настоятель Юрьева монастыря называется въ грамотѣ архимандритомъ, тогда какъ онъ получилъ санъ архимандрита гораздо позднѣе (а если мы примемъ, что грамота писана до 1131 г., то въ Антоновомъ монастырѣ, объ игуменѣ котораго говорится въ грамотѣ, еще не было игумена, см. Новгород. 1 лѣтописъ поль снмъ годомъ“ ⁴⁾.

Трудно понять, почему точный всегда изслѣдователь отождествилъ двухъ разныхъ князей—Всеволодовъ? Въ Уставѣ о церковныхъ судѣхъ в. кн. Всеволодъ ясно и определенно называетъ себя правнукомъ Игоря и Ольги; слѣдовательно, это былъ сынъ св. Владимира и Рогнеды, Владимиро-Во-

¹⁾ См. Новгородская лѣтопись по Сиводальвому списку, стр. 460, 463.

²⁾ См. Памятники исторіи В. Новгорода, подъ ред. С. В. Бахрушина М. 1909. Стр. 11—47.

³⁾ Курсивъ вездѣ—акад. Голубинскаго.

⁴⁾ Голубинскій, стр. 628, прим.

льпскій князь, который могъ наследовать новгородскій престолъ послѣ своего племянника Владимира, заложившаго храмъ св. Софїи въ 1045 г. и скончавшагося въ 1052 г.

Что касается термина „великій князь“, то этотъ терминъ до татарскаго нашествія не имѣлъ вполнѣ точнаго значенія ¹⁾: титулъ великаго князя былъ домашній: онъ прилагался старшему князю для отличія его отъ князей ему подчиненныхъ. Такъ, князь Святославъ Черниговскій въ Изборникѣ 1073 г. названъ „великимъ въ князѣхъ“. Терминъ „великое княженіе“ появляется лишь съ начала XIV в., когда князья начинаютъ спорить изъ-за него передъ ханами. Не слѣдуетъ смущаться и терминомъ „самодержецъ“: этимъ герминономъ переводилось греч. слово *αὐτοκρατορικός*, т. е. самостоятельный, властелинъ; лѣтописецъ подъ 1199 г. называетъ самодержцами разныхъ кievскихъ князей XI—XII вв., а подъ 1201 г.—величасть Романа Галицко-Волынскаго „великимъ княземъ, самодержцемъ всея Руси“. Всѣ эти терминъ имѣютъ хвалебное, но не официальное значеніе и вполнѣ понятны въ грамотѣ, писанной, хотя и отъ лица князя, но, конечно, лицомъ, стоящимъ близко къ церкви.

Акад. Голубинскій утверждаетъ, что Всеволодъ, говоря о своихъ будущихъ преемникахъ, называетъ ихъ великими князьями. Это—не совсѣмъ точно; вотъ слова грамоты: „А по моему животѣ, в. кн. Всеволода, стояти за домъ св. Ивана Великаго брату моему—князю великому всея Руси и владыцѣ Новгородскому“. Очередной порядокъ княженія, при нормальныхъ условіяхъ, велъ къ тому, что по смерти Всеволода его княженіе должно было достаться слѣдующему за нимъ по старшинству брату; этотъ ожидаемый братъ, вокняжившись въ Новгородѣ, естественно, долженъ былъ бы получить титулъ покойнаго Всеволода: „великій князь всея Руси и владыка Новгородскій“. Такъ этотъ предполагаемый замѣститель и долженъ былъ титуловаться въ грамотѣ. Если бы послѣдняя была составлена послѣ смерти Всеволода, въ ней скорѣе былъ бы упомянутъ дѣйствительный новгородскій князь, а не предполагаемый братъ: это служило бы признакомъ подложности грамоты; но такого признака въ

¹⁾ См. Срезневскій, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка сл. „князь“ „княженіе великое“.

грамотъ нѣтъ. Мы знаемъ прежде всего, что Всеволодъ не дожилъ въ Новгородѣ до смерти, а умеръ во Псковѣ (1138 г.); даѣе, выпавшіе его повгородцы пригласили не его брата, а кн. Святослава Олеговича, а послѣ него—Ростислава Юрьевича. Такимъ образомъ, даже трудно придумать мотивъ внесенія въ грамоту брата Всеволода, если бы грамота была подложная, и предположеніе подложности мало того, что не обосновано—оно даже невѣроятно.

Теперь обратимся къ предполагаемымъ анахронизмамъ. Издатели грамоты въ „Дополненіяхъ къ Актамъ историческимъ“ неосновательно отнесли ее къ 1134 или слѣдующему году. Не выясненная ими хронологія не была выяснена и акад. Голубинскимъ; поэтому не лишнимъ будетъ сдѣлать это здѣсь. Грамота была писана при новгородскомъ посадникѣ Мирославѣ, который получилъ посадничество въ 1126 г. и скончался въ 1132 г.; дана она была повгородской церкви Ивана Великаго на Опокахъ, на Петрятинѣ дворницѣ, а церковь эта была заложена въ 1127 г., о чемъ существуетъ въ новгородской лѣтописи вполне точное свидѣтельство:

„Въ лѣто 6635 заложилъ церковь камяну святого Іоанна Всеволодъ Новгородѣ, на Петрятинѣ дворѣ, въ имя сына своего“. Постройка была приведена къ концу въ 1130 г.

Указаніе акад. Голубинскаго на то, что настоятель Юрьева монастыря получилъ санъ архимандрита гораздо позднѣе XII в., лишено реального значенія, такъ какъ настоятель и позднѣе могъ имѣть этотъ санъ и не имѣть его, что видно и слѣдующихъ указаній лѣтописи. Игуменъ Савватій, поставленный въ Юрьевъ монастырь въ 1194 г., скончался архимандритомъ въ 1226 г. Подъ 1230 г. два игумена, Савва и Арсеній, не названы архимандритами: въ 1270 г. скончался здѣшній архимандритъ Варлаамъ, но его преемникъ, Іоаншъ, опять не названъ архимандритомъ (1274 г.) и т. д. ¹⁾

Столь же формальный характеръ имѣетъ указаніе издателя на то, что до 1131 г. въ Антоіевомъ монастырѣ не было игумена. Церковь Іоанна строилась въ теченіе 1127—1130 г.г.; Антоіевъ монастырь—въ теченіе 1116—1122 гг. Въ это время фактически игуменомъ монастыря былъ Анто-

¹⁾ См. Указатель къ первымъ восьми томамъ Полнаго собр. русскихъ лѣтоп., отд. II, стр. 217 (монастырь св. вмч. Георгія подѣ Новгородомъ).

ній, и не было сомнѣнія, что архіепископъ дастъ ему этотъ санъ. Неужели кн. Всеволодь за годъ, за два, до поставленія Антонія не могъ его назвать игуменомъ? Наконецъ, очень возможно, что Антоній былъ поставленъ въ игумены раньше 1131 г., но обрядъ поставленія могли повторить въ виду того, что въ теченіе 1110—1130 гг. архіепископомъ былъ Иванъ, по прозвищу *попъ Янъ*, который былъ лишень сана и котораго не помнили въ молитвахъ ¹⁾.

Итакъ, нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній отвергать подлинность грамоты кн. Всеволода.

Сейчасъ же за разборомъ указанныхъ грамотъ акад. Голубинскій дѣлаетъ такое замѣчаніе:

„Своимъ тупомъ приказываю церковнаго суда не обидити, ни судити безъ *владычя* намѣстника“: эта обмолвка автора Устава вмѣсто „митрополита“ указываетъ на Новгородъ“ (стр. 629, прим.).

Признаться сказать, мы не видимъ въ Уставѣ кн. Всеволода Владимировича о церковныхъ судѣхъ рѣшительно никакой обмолвки; здѣсь совершенно ясно говорится: „Дать семь судъ и мѣрила... св. Богородици въ Кіевѣ и митрополиту, а въ Новѣгородѣ св. Софїи и епископу“, и далѣе: „кто будетъ нашего рода — князей Новгорода“ ²⁾... Всеволодь прямо называетъ себя новгородскимъ княземъ, и конечно, нельзя сомнѣваться въ томъ, что грамота была дана новгородскому духовенству, т. е. о Кіевскомъ митрополитѣ въ ней говорится мимоходомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ См. Новгор. лѣтопись по Синод. списку, 125. 443; Голубинскій, Ист. р. ц. I, I, 943 (прим. къ стр. 673). Изд. второе.

²⁾ Тамъ же, стр. 460—461.